

Стояла золотая осень, небо сияло пронзительной синевой, без единого облачка. Вэй Тяньюй медленно катил коляску по траве, тихо рассказывая о бытовых мелочах — то о том, как дочь Ло Ханя становится всё непослушнее, то о том, что у Мерлина родился сын, то о новом ресторане морепродуктов в городе, то о предстоящем концерте Филадельфийского оркестра в Пекине.

Лин Цзыхан молча слушал, слегка запрокинув голову и глядя на необычайно чистое небо, с безмятежным выражением лица.

Через некоторое время Вэй Тяньюй остановился у скамейки на краю газона, присел на неё и с улыбкой посмотрел на Лин Цзыхана: «Давай немного отдохнём, а потом вернёмся, хорошо?»

Лин Цзыхан медленно опустил голову, спокойно посмотрел на него и отчётливо произнёс: «Тяньюй, а у тебя работа есть?»

Вэй Тяньюй вздрогнул, а затем обрадовался: «Цзыхан, ты... ты... повтори».

Взгляд Лин Цзыхана был мягким: «Почему ты всё время здесь? Тебе в последнее время не нужно работать?»

«Рана моя только-только зажила, сил маловато, для операций не гожусь, — тут же оживился Вэй Тяньюй. — Да и начальник наш должность совмещать перестал, ушёл в заместители министра, а его место занял Ло Хань. Он поначалу и слышать не хотел, говорил, ты больше подходишь. Но начальник ему объяснил, что ты сейчас не в форме, работать не сможешь, вот он и согласился. Цзыхан, поправляйся поскорее, мы снова будем вместе».

Лин Цзыхан смотрел на него несколько мгновений, затем слегка покачал головой: «Тяньюй, ты же понимаешь, я не поправлюсь. Не хочу тебя обременять. Уходи, оставь меня одного».

Лицо Вэй Тяньюй на миг помрачнело, но он тут же вспомнил наставления Тун Юэ и вновь улыбнулся: «Не надейся, что так просто от меня избавишься. Я с тобой, что бы ни случилось. Если на пенсию — так вместе. Если из Пекина уедешь — хоть на край света, последую».

Лин Цзыхан остался безучастным и произнёс бесстрастно: «Тяньюй, я уже бесполезный калека. Какой смысл тебе быть со мной? Не нужно меня жалеть. И уж тем более не нужно себя из-за меня мучить».

«Нет, Цзыхан, тут ни жалости, ни мучений, — взволнованно сказал Вэй Тяньюй. — Столько лет прошло, а мои чувства к тебе не изменились. Никогда не изменятся. Если ты сейчас меня прогонишь, подумал ли ты хоть немного о том, что я почувствую? Представь, что всё наоборот. Это я тяжело ранен, но не позволяю тебе быть рядом. Как бы ты поступил?»

Лин Цзыхан больше не стал ничего говорить. Он лишь молча смотрел на траву, не двигаясь, словно изваяние.

Вэй Тяньюй осторожно протянул руку и накрыл его холодную ладонь.

Лин Цзыхан не стал отстраняться.

Вэй Тяньюй держал его руку, и они так тихо просидели долгое время. На душе у него было спокойно и светло.

Солнце клонилось к закату, потянул лёгкий ветерок. Боясь, что Лин Цзыхан простудится, Вэй Тяньюй тут же поднялся и медленно повёз его обратно.

У дверей палаты их ждал Лин И.

Вэй Тяньюй слегка смутился и почтительно произнёс: «Товарищ министр».

Лин И кивнул ему с улыбкой и весьма благожелательно спросил: «Как рана?»

«Совсем зажила», — поспешно ответил Вэй Тяньюй.

«Это хорошо. Ты пострадал, спасая Цзыхана, и я как отец благодарю тебя», — сказал Лин И со всей серьёзностью.

Вэй Тяньюй вспыхнул и совсем растерялся: «Нет-нет, что вы, товарищ министр! Так и должно быть. Не стоит благодарности, я... я... Цзыхан ведь наш командир, любой бы так поступил».

Лин И улыбнулся, подошёл и взялся за ручки коляски: «Тяньюй, ты в последнее время много трудишься. Иди поешь, отдохни хорошенько. Сегодня я сам о нём позабочусь».

«Хорошо», — не посмев перечить, Вэй Тяньюй проводил взглядом, как Лин И вкатывает Лин Цзыхана в палату, развернулся и ушёл. Жар на щеках не спадал ещё долго.

Лин И подкатил коляску к кровати, наклонился, поднял Лин Цзыхана на руки, бережно уложил, поправил одеяло и затем мягко спросил: «Цзыхан, пить хочешь?»

Лин Цзыхан смотрел на него, и в тёмной глубине его глаз мелькнул слабый проблеск. Спустя несколько мгновений он тихо позвал: «Папа».

Лин И склонился ближе: «Что, сынок?»

Голос Лин Цзыхана был едва слышен: «Папа... ты раньше... никогда... не обнимал меня».

У Лин И внезапно сжалось сердце, и нахлынула печаль. Он прилёг на кровать, приподнял Лин Цзыхана, устроил его голову у себя на плече и крепко обнял. Лин Цзыхан беспомощно лежал в его объятиях, и казалось, густые чёрные тени, клубившиеся в его сердце, понемногу начали редеть.

Лин И поцеловал сына в лоб и твёрдо сказал: «Прости меня, сынок».

Лин Цзыхан тихо спросил: «Папа... я... поправлюсь?»

«Поправишься, — без тени сомнения ответил Лин И. — Сейчас наука на месте не стоит, медицина развивается не по дням, а по часам. Дядя Тун уверен, и я тоже. И ты, сынок, должен верить. Ни в коем случае не сдавайся».

Лин Цзыхан ничего больше не сказал, лишь устало закрыл глаза.

Лин И тоже замолчал. Он продолжал держать сына на руках, не шевелясь.

Когда спустились сумерки, Тун Юэ приоткрыл плотно закрытую дверь.

Лин И взглянул на него, и на лице его мелькнула лёгкая улыбка.

Тун Юэ подошёл, внимательно посмотрел на Лин Цзыхана в его объятиях, присел рядом, положил руку на руку Лин И и тихо спросил: «Не устал?»

Лин И покачал головой: «Я счастлив, что могу вот так побыть с сыном».

Тун Юэ с пониманием улыбнулся, вновь взглянул на Лин Цзыхана и невольно вздохнул: «Ему ещё предстоит многое вынести. А он, даже сейчас, ни на что не жалуется».

Лин И нежно погладил мягкие волосы сына и с горечью произнёс: «Я был никудышным отцом. Стыдно мне перед ним».

«Цзыхан никогда так не думал, — утешил Тун Юэ. — Он всегда тобой гордился».

Лин И тихо вздохнул: «И я им горжусь».

Всю ту ночь Лин И не уходил. Он не отпускал Лин Цзыхана из объятий — так не делал с тех пор, как тому исполнилось три года.

Для Лин Цзыхана отец всегда был воплощением силы, и теперь, прижавшись к его груди, он чувствовал, что никакая нечисть уже не посмеет к нему приблизиться.

Впервые за долгое время ночь прошла без кошмаров. Он спал спокойно и крепко.

Вступив в должность, Лэй Хунфэй отправился в инспекционную поездку по стране, чтобы проверить все штурмовые отряды в подчинении Управления специальных операций. Когда он вернулся в Пекин, стояла уже ранняя зима.

Едва самолёт коснулся земли, он тут же набрал номер Тун Юэ, чтобы узнать о состоянии Лин Цзыхана.

Тун Юэ мягко ответил: «Он уже выписался домой».

«Правда? — Лэй Хунфэй обрадовался. — Значит, выздоровел?»

«Как сказать... — Тун Юэ вздохнул. — Физически вроде бы немного окреп, а вот душевное состояние... неважное. Говорить не любит, ходить не хочет, всё в коляске предпочитает. Подумал, что в больнице ему только хуже, вот и отпустил домой — я там за ним присмотрю. Но теперь он всё в комнате своей сидит, не выходит. Мы с твоим дядей Лин бессильны что-либо сделать».

Лэй Хунфэй широким шагом шёл по перрону в окружении сопровождающих, затем прыгнул в подъехавшую армейскую машину. Улыбка с его лица исчезла, и он с тревогой спросил: «Дядя Тун, что же делать?»

Тун Юэ и сам был в недоумении: «Мы тоже ищем подход. Он на контакт не идёт, психологи бессильны. Съезди к нему, поговори. Но он почти не разговаривает, так что наберись терпения».

«Понял. Дядя Тун, не волнуйся». Он положил трубку и сказал водителю: «Сначала — в Мэйюань, Олимпийская деревня».

Машина выехала с территории военного аэродрома и быстро помчалась на север.

Лэй Хунфэй смотрел в окно на мелькающие пейзажи и тихо вздохнул.